

Один день наедине с прошлым / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 22 января, 2025

Один день наедине с прошлым / рассказ ОДИН ДЕНЬ НАЕДИНЕ С ПРОШЛЫМ

Открыв створку окна, я окинул взглядом окрестность с четвёртого этажа. Ух, как холодно, задубеть можно. За окном стояли еще крепкие морозы. Застыли тротуары и трассы, с вечера затянувшись толстой коркой льда. Всем вокруг завладела стужа. Что-то похожее на снег с шорохом валило с неба. Оно с треском постукивало в окна. Видимо, это был мелкий град, который приятно убавкивал своим движением. Да, это точно град. Это что-то ужасное между снегом и дождем.

Я, как полагается, оделся и вышел на улицу. Если не считать, конечно, зонта, которого я не взял с собой. В дождливую погоду я принципиально не ношу зонта. Мне от него становится душно, будто воздуха не хватает, а вокруг становится темно. Словом, до сих пор еще никто не видел меня в дождливый день под зонтом. Выйдя на улицу, я сразу попал под град. Моя дорогая, переливающаяся на солнце меховая шапка, превратилась в облизанную шкурку. Увидев мой несчастный вид в такую непогоду, с сожалением покачала головой корейка, которая продавала салаты на базарчике возле нашего дома. А мой теплый кожаный пиджак был, как говорится, что надо. Он не пропускал не то, что дождь, он ничего не пропускал.

Я и сегодня опоздал на работу.

– Где вы ходите? Постоянно опаздываете? – задала секретарша обычный свой вопрос.

– Что случилось? Кому я понадобился с раннего утра? Или шеф искал меня?

– Какое раннее? Посмотрите на часы! Уже одиннадцатый час. Вас не шеф спрашивал, а какая-то русская женщина ждет внизу. Бедняжка, уже целый час она мне названивает. Идите, поднимите

внутренний телефон. Что вы стоите?

Я немного растерялся. Под строгим натиском секретарши я побежал в приемную.

– Слушаю, – сказал я обычным тембром.

– Алло, это ты Толик, – лаконично промолвил женский голос в трубке.

– Да, я... А вы кто? – удивился я.

– Это я. Спустишь вниз. Сможешь?

Меня возмутила фамильярность женщины. Вместе с тем, мне было приятно слышать ее спокойный, немного трепетный голос.

– Извините, я Вас...

Не успел закончить я фразу, как она меня прервала:

– О, боже, я из Москвы приехала... Наконец-то нашла тебя. Это я, Ирина!

С этими словами женщина положила трубку.

Я опешил. Разве в Москве у меня была знакомая с таким именем? Если так подумать, у меня в Москве вообще никого не было. Секретарша, слушавшая наш разговор, двусмысленно улыбалась мне. В раздумьях я стал спускаться вниз. В фойе был стоячий холод. Я забыл накинуть пиджак. По дороге, здороваясь со знакомыми, я направился к стеклянной двери. Напротив милиционера стояла женщина. Подол ее длинного пальто с меховым воротником касался пола. На голове ее светло-серая меховая шапка, на шее зеленый шарф. Милиционер ей что-то сказал и указал в мою сторону. В этот момент я оглядел стройную фигуру высокой женщины с головы до ног. Вдруг она обернулась на меня. Постепенно она начала меня интриговать. Я приблизился к дверям. И в это мгновение она стала напоминать мне кого-то. Огромные черные сверкающие глаза. Гладкое лицо. Черные густые дугообразные брови. И даже нос с горбинкой не портил ее лицо, а удивительно сочетался с ее слегка улыбающимися пухлыми губами. Челка, выглядывающая из-под меховой шапки на лбу, прикрывала ее гладкий лоб. Может быть, поэтому ее глаза сверкали еще ярче. Эту женщину с лучезарной улыбкой можно было отнести к красивым представительницам кавказской национальности. Я стоял покоренный ее образом. Затянувшуюся

паузу нарушил ее взволнованный голос.

– Привет, ты узнал меня?

Как бы она ни старалась вести себя непринужденно весело, выражение ее лица вмиг изменилось и губы задрожали. Тайна, скрытая в ее сверкающих, черных как смоль глазах, словно завладела мной. С натянутой улыбкой я постарался изобразить безразличие. Пожал плечами. Качая головой, дал жестом понять, что не узнал ее.

– Вот так-то! А я тебя не забыла. – Голос ее звучал степенно, немного даже обиженно. Но улыбка на ее лице не угасала.

– Ну, ладно, вспомни... 1987 год. Лето. Файзабад. Ирина Михайловна. Теперь-то вспомнил?..

Меня словно молнией ударило. Я аж закачался. Внутри будто что-то оборвалось. Я невольно застонал. Колени задрожали, и, казалось, обессилели. У меня в голове не укладывалось, что стоявшее напротив божественное создание представляло собой ту самую Ирину Михайловну, которую я знал шестнадцать лет назад. Внезапно воспоминания мгновенно унесли меня в прошлое, где предстал предо мной образ прежней Ирины Михайловны. Да, это она. С ее полными чарующего смысла черными глазами. Все то же светящееся личико, взгляд, все тот же смех. Но она немного поправилась. От этого она стала еще привлекательнее. Весь ее вид был намного величественнее, чем когда-то. Элитная одежда на ней еще более подчеркивала ее красоту.

Я словно лишился дара речи. Крепко пожав ее руку, потянулся к ее щеке, совсем забыв, где я нахожусь. Дрожащими губами я прошептал:

– Как ты нашла меня? Это точно ты? О боже, подожди, Ирина, не торопи, я вспомню... Да, конечно, это ты! Ты постой здесь. Я мигом. Оденусь и спущусь... Зайди, зайди сюда, посиди вон на том стуле в углу. Я туда и обратно. Через полминуты вернусь. Не зная, что делаю, и, не дожидаясь лифта, я взбежал по лестнице вверх. Наспех накинул пиджак, засунул в карман все деньги, что были у меня в сейфе. Выбежав в коридор, столкнулся с секретаршей:

– Кто бы ни спрашивал, скажите, меня сегодня не будет.

– По-о-о-нят-но-о! - ответила она с иронией в голосе.

Не обращая внимания на ее реакцию, я побежал в фойе. Казалось, будто Ирина уйдет, что все это какое-то недоразумение и только снится мне. Нет же, вот она, ждет меня.

– Пойдем Ирина. Выйдем на улицу. Я взял ее за руку. Мое сердце сильно стучало. Я все еще не мог прийти в себя. Дождь постепенно переходил в снег. Мороз немного отошел. Но снег вперемешку с ветром не давал раскрыть нам глаза.

Я остановил такси на шоссе напротив офиса. Мы уселись на заднем сиденье. «Езжайте куда хотите. Лишь бы быстрее отсюда уехать!» – сказал я шоферу. Тот удивленно посмотрел на меня и тронулся с места.

– Так, так. Везите нас в самый лучший ресторан.

Один из престижных ресторанов в городе... В зале почти никого нет. Я выбрал укромное местечко в углу. Весь потолок зала во всю длину затянут зеркалами. Свет хрустальных вращающихся люстр переливался и отражался золотисто-белым светом на серебряных приборах, аккуратно разложенных на столах. Голубые гобелены на стенах, мягкие кожаные кресла, итальянские столы и стулья, нежные хрустальные бокалы и рюмки демонстрировали некоторую современность и своеобразие. Конечно же, такая возвышенная обстановка располагала человека, придавала особое настроение.

Руки у меня все еще дрожали. Чтобы скрыть это, я стал постукивать пальцами по краешку стола, накрытого белоснежной шелковой гладкой тканью. Ирина была сама искренность, глаза ее все еще сверкали и улыбались. Она стала еще прекраснее после того, как сняла шапку, шарф, и кожаное пальто с желтоватым оттенком. Ее черные волосы, обрамляя лицо, распускались крупными локонами по плечам. Нить жемчуга на ее шее, нежная шея, выглядывающая из-под зеленой кофты, алые розочки на груди... Зеленые камни на пепельнице игриво излучали свет при ярком отражении люстр. Мне казалось, что постепенно я стал уменьшаться в глазах Ирины. С вопросительным лицом возле меня стояла и смотрела на меня высокая официантка. Раскрыв внушительное меню с каёмкой, похожее на томик книг, лежавший

на краю стола, я прошелся по нему глазами и передал Ирине. Вскоре стол был сервирован, принесли блюда, напитки. Я наполнил бокалы. Произнес тост за наше здоровье и выпил рюмку, наполненную до краев водкой «Тошкент». Ирина, чуть коснувшись губами, глотнула вина. Водка сразу ударила мне в голову, а я все еще не приходил в себя, но волнение немного ослабло. Блюда менялись один за другим: острые, аппетитные. Наполнив вторую рюмку, я попросил Ирину поднять бокал за эту «счастливую случайность». Она становилась еще прекраснее. Что-то похожее на страх в моем сердце, постепенно стало отходить. Я смотрел ей в глаза. Мне показалось, что я даже осмелел.

– Значит, ты писатель, – спросила она искренне.

– Да... Ничего другого не умею, – смог промолвить я.

Она рассмеялась.

– Я еще тогда знала, что ты станешь хорошим человеком, вернее чувствовала, что ты хороший парень. Да, кстати, ты же на три года младше меня?...

– Если честно, я до сих пор не могу поверить в то, что ты здесь. Ирина, как ты нашла меня?

– А что? Хочешь сказать, каким образом, женщина, живущая в Москве, оказалась здесь?

– Может быть... Да, нет же, как бы сказать, – подыскивал я слова.

– У меня есть твой адрес... Я позвонила тебе на родину. Сказали, что ты в Ташкенте. Думаешь, трудно позвонить из Москвы?

– Ты знаешь мой адрес?... Стой. Да, как, же так! Уф! Ну как бы сказать?

– Да, нашла. Это так. Но ты узнаешь об этом после. Я поняла, что не смогу жить и мучиться, не повидав тебя. Понимаешь? Я, оказывается, не умею быть в долгу перед судьбой, тобой и перед своей совестью...

– Потом ты все узнаешь... Ешь ... Еда остынет, господин писатель, – она усмехнулась и проглотила наполовину выпитое вино в бокале. С мыслью «будь, что будет», я снова наполнил свою рюмку и выпил залпом. В этот момент я чувствовал себя между сном и явью.

– Ладно, будь, по-твоему... Но когда ты приехала в Ташкент?

– Вчера. Устроилась в гостинице. Это недалеко от твоей работы. «Интерконтиненталь». Хорошее место. Теперь расскажи о себе. Мне это интересно. Расскажи о себе, как живешь, чем дышишь... Слава богу, ты жив-здоров. Тьфу, тьфу! Ты сильно поправился, возмужал. Но если честно не очень сильно изменился. Жить хорошо, согласишься? Кстати, у тебя есть семья, дети?

– Есть... Ирина. Есть. Стой. Ты, как бы сказать, сама как живешь? Что ты делаешь в Москве?

– В основном торговля. Мой муж генеральный директор совместного с Францией предприятия. У меня своя фирма. Веду торговлю с Европейскими странами. Пока все неплохо. У меня двое детей. Если честно, еще год назад задумала с тобой встретиться. Всё работа, да работа... не могла время выкроить. Наконец, плюнув на все, вылетела в Ташкент. Пришло время и поэтому я здесь. Конечно, я могла и позвонить. Но я должна была сама приехать. Вот так-то...

Водка начала действовать на меня. Я тронул Ирину за руки. Вглядываясь в ее глаза, заметил, как они наполнились слезами. Непонятная боль пронзила меня изнутри. Я словно задохнулся. Слезы покатались у меня по щекам. Я подсел к ней и начал гладить ее волосы. Повернул ее лицо к себе. Длинными белыми пальцами она стала гладить мои щеки. Я потерял контроль над собой. Мы оба окунулись в жаркую страсть. Конечно, так и должно было случиться, при встрече двух близких людей через столько лет разлуки по воле судьбы.

Словно туман застилал мои глаза. Ирина сильно ущипнула меня за шею, уши.

– Всё, всё... Сядь на место... Прошу... Перестань. Возьми себя в руки. Эх, ты же самое яркое и грустное воспоминание из моего прошлого, – вдруг рассмеялась она. – Ведь так говорят писатели? Я сел на своё место. На лице Ирины проскользнула какая-то усталость или задумчивость. Она уткнулась взглядом в одну точку. Замолчала. Затем тяжело вздохнула и также выдохнула. Не знаю почему, но я вдруг спросил:

-Ты счастлива?

Она кивнула головой. Пригладила взъерошенные волосы. Локтями упершись на стол, ладонью прикрыла лоб. В этот момент она разрыдалась.

– Нет, – покачала она головой, – нет... В общем, кто знает, может быть, счастье это и есть то, что человек живет, дышит. Если считать счастьем достаток, благосостояние, богатство, то я счастлива. Но в жизни много того, что мучает человека. Кто-то живет бедно, еле сводит концы с концами, но в душе у него спокойно. У него нет, так сказать, боли воспоминаний. Наверное, такой человек счастливее меня. А он, в свою очередь, может быть, считает меня беззаботной, счастливой женщиной.

– Ты красивая. Ты очень красивая, – перебил я её.

Она снова улыбнулась.

– Хм-м. Ладно. Ты, по-моему, не пьян. Ты нарочно отвлекаешь меня. Ладно, прекратим эти задушевные разговоры. Будем говорить только о хорошем. Спрашивай, какие у тебя там еще вопросы?

Я не мог себе представить, чем закончится эта встреча. Скажем, до вечера мы просидим так. А что дальше? Я не знал, что сказать этой женщине, которая сумела когда-то зажечь в моем сердце огонь любви, поддерживала меня в самые тяжелые, печальные моменты, была другом и самым дорогим человеком на моем жизненном пути. Иногда бывает так, хочется что-то сказать собеседнику, особенно, если тот близок тебе по духу, но ничего не можешь произнести, а он с полуслова понимает, что ты хочешь сказать. Словом, ничего лишнего. Вот и сейчас между мной и Ириной не требовалось громких фраз. Мы два близких человека, живущих в разных концах мира, встретились снова через шестнадцать лет. Мы могли разговаривать и без слов, просто так, глядя друг другу в глаза.

Ирина нарушила затянувшуюся паузу:

– Тахир, скажи что-нибудь... Давай выпьем. Тост хотя бы скажи...

– Давай, выпьем за жизнь, за то, что мы живем.

– А за меня?

– За тебя. За твою красоту, Ирина!

– И за тебя. Смотри, Тахир, я тоже пью.

– Ох, вот и узбекская музыка зазвучала... Тебе не нравится? Расслабься, не думай ни о чем... Сегодня я покажу тебе весь Ташкент.

Она от души рассмеялась. Расцвела.

– Не спеши. Я должна тебе кое-что сказать...

– Скажи.

– Сколько времени?

– Около часа.

– Ох, значит... Проводи меня до гостиницы. В два часа позвонит Володя, мой муж. Он знает, что я поехала в Ташкент, чтобы найти тебя. Он всё знает. Я сказала ему, что встречу с тобой.

Я не знал, что ответить. Лицо Ирины стало серьезным, но искренность не покидала его.

– А почему именно до двух часов?

– Вот, увиделись с тобой, пообщались... Или ты обижен?

– Нет. Но ты не можешь расслабиться...

– Время не подвластно нам... Что делать, такая работа. Я ведь предприниматель, как говорят бизнес-вумен из «новых русских», – теперь она нарочито сделала серьёзное лицо, немного нахмурила брови. Затем снова охнула и смягчила голос:

– Ладно. Хочешь, я тебе что-то скажу?

– Да, скажи, уже.

– Там на твоей работе я наблюдала за тобой, за тем, как ты шёл навстречу мне. Затем, увидев тебя, скачущего по лестнице, очень обрадовалась. Верить, пока ты спускался, я даже успела поплакать.

– И это ты помнишь? – сказал я. И словно ком застрял в моем горле.

– Эх! Ты не знаешь. Может быть, не поверишь, но как вспомню то место, то сразу перед глазами появляешься ты. К сожалению, не могу не вспоминать об этом.

Она снова глубоко вздохнула. Крепко пожав мои руки, посмотрела мне в глаза. Из ее глаз покатились слезы, одна за другой. Мне стало не по себе. В тот момент мне захотелось вырвать из памяти Ирины то проклятое прошлое, но я был бессилён. Я встал

и пересел к ней. Своими ладонями прижав ей руки, поцеловал её в лоб. Сердце моё разрывалось от боли. Я взмолился:

– Перестань, Ирина. Не сейчас. Не вспоминай об этом, вообще не вспоминай. Ты такая красивая. Давай говорить о чём-нибудь другом. О боже, будь проклята такая жизнь! Ты же моя гостья. Приехала издалека. Не плачь, пожалуйста.

Ирина застыла с грустным выражением лица, затем подняла меня за локти. Я встал, обнял её за голову.левой рукой Ирина пощупала мою левую ногу и начала приподымать подол моих брюк.

-Тахир, позволь мне взглянуть. Это было под коленом левой ноги, да?

– Да, левой ноги...

– Вот ... ах, бедняжка. Вот... шрам, глубокий? Я чувствую это даже через ткань. Да, сильно ты пострадал... Сейчас не болит?

– Нет. Иногда в холод даёт о себе знать.

– Почему же ты тогда не надел тёплые штаны под брюки...

– Ладно, надену. Не беспокойся. Всё будет хорошо. Да, ты не сказала, чем торгуешь? – Я попытался сменить тему разговора.

Ирина старалась отвечать строго, но у неё не получалось.

– Это тебя абсолютно не касается! Верно? Ладно, скажу, почти все основные супермаркеты в Москве принадлежат безумной женщине, которая сейчас стоит напротив тебя. А муж этой безумной женщины – Семёнов Владимир Павлович один из известных столичных промышленников. Что ещё сказать?

– Хорошо. Вот я и узнал.

-Ты столько всего просто спросил. Теперь проводишь меня в гостиницу уважаемый, милый хозяин?

На улице белым-бело. Шёл мелкий снег. Ветер поднимал их с земли и кружил по воздуху.

– Похоже на Российскую зиму? – спросил я, когда спускались по лестнице. Я вёл её под руку. – Глаза невозможно раскрыть!

– Нет, не очень. Не смей шутить российской зимой, – ответила она, посмеиваясь.

Мы поймали такси и направились к гостинице. Ирина, прислонив голову к стеклу заднего сиденья, смотрела на улицы. Ветер, сколько бы ни старался, не смог стряхнуть замерзающий снег,

крепко прилипший к веткам молодых деревьев. В стёкла машины стучали крупные снежинки. Настоящая метель. В такую стужу город продолжал жить своей жизнью. На сквере Амира Тимура, что в центре города, куранты показывали без пятнадцати два. С тех пор, как мы вышли из ресторана, Ирина не смотрела на меня, молчала, сидела, прислонив голову к стеклу, и даже не оборачивалась. Обняв Ирину за плечи, я потянул её к себе. Она, резко повернувшись, взглянула на меня. Слёзы текли по её влажному лицу. Она всхлипывала и дрожала. И вдруг бросившись в мои объятия, громко разрыдалась. Водитель, опешив, несколько раз обернулся в нашу сторону и резко затормозил. Он был русский.

– Что случилось? Плохо себя чувствует?

– Езжайте, мы уже почти приехали. Всё нормально, – сказал я.

– Да, я всегда себя плохо чувствую. Так было всегда, – ответила Ирина, всхлипывая и дёргая плечами.

Машина остановилась напротив гостиницы. Ирина попросила водителя немного подождать, чтобы прийти в себя. Вынув из кожаной сумки с золотой пряжкой помаду и пудру, она навела марафет. Затем, улыбнувшись, пожала мою руку...

– Теперь можно выходить. Пошли.

Как только мы перешагнули порог гостиницы, швейцар с улыбкой поприветствовал Ирину. Два рослых парня, сидевших на кожаном диване в фойе, вскочили с места, увидев нас. Оба они были одеты одинаково: длинные кожаные пиджаки с воротниками, кожаные кепки, белые шарфы. Я сообразил, что эти светловолосые ребята, как две капли похожие друг на друга в качестве охранников приехали вместе с Ириной. Парни сделали несколько шагов в нашу сторону, но заметив яростный взгляд, который Ирина бросила в их сторону исподтишка, они остановились на месте. Один из них посмотрел на часы. Я, конечно же, ничего не прочёл на их лицах, но какое-то странное ощущение закралось в мою душу.

Ирина, ткнув меня в бок, нежно и ласково промолвила: – Эй, ребёнок!.. Ты не обращай на них внимания. Видимо, они подумали, что ты пьян. Ну-ка, дай руку, попрощаемся.

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра, – её голос затрепетал. Задрожали и руки.

– А сейчас чем будешь заниматься?

– Я же сказала, будет звонок из Москвы...

– А потом?

– Тахир, теперь до вечера у меня не будет времени.

Мне не трудно было понять, с каким сожалением в этот момент она произносила эти слова.

– Скажи, когда мне прийти? В каком ты номере?

– Вечером... Часов в шесть. Подойдешь к швейцару. Он скажет, что делать.

Ирина кивнула в сторону швейцара. Затем, резко повернувшись, подошла к тем парням и вошла в лифт в их сопровождении. Я долго смотрел ей вслед. Подойдя к дверям, спросил швейцара:

– Кто эти люди?

– Люди рядом с госпожой?

– Да, они.

– Э-э, они же вместе с вами приехали.... Вошли сюда за минуту до вас. А утром ушли вместе с госпожой....

– Не понял?...

– Они же телохранители той госпожи....

– А, вот оно что...

Швейцар посмотрел на меня как на наивного дурачка. Не понимая, что происходит, я вышел на улицу. Значит, Ирина приходила ко мне на работу вместе с охранниками. Значит, они наблюдали за нами и в ресторане, где мы обедали. Тогда, почему же я их не заметил? Ведь в зале никого не было кроме нас... Понятно, они наблюдали за нами с улицы, возле дверей ресторана. Всё время находились снаружи. Что же я теперь буду делать до вечера? Время уже два. Она разговаривает с Москвой. Значит, каждый её шаг под контролем...

Тут я немного прерву свой рассказ. Я уже чувствую, что уважаемый читатель горит желанием узнать причину столь тёплых отношений между красавицей Ириной и писателем. Ладно, вернувшись мысленно назад, расскажу о «прошлом». Если говорить подробно, то это будет целая книга, а терпения на это не хватит. Короче говоря, с госпожой Ириной по воле судьбы мы

оказались вместе в армии, а точнее в «афгане». Она работала врачом в медицинском отделении нашей части. Ирина всегда выезжала в бои вместе с подразделением, которым командовал ваш покорный слуга. Эх-хе, чего мы только не повидали на своём веку. Смерть на каждом шагу, охи и ахи раненых... Ирина была для всех нас божьим посланием, ангелом жизни.

Во время всей моей военной службы и в последнем бою Ирина была рядом со мной. Мы окружили одного из тех, кто носил чалму, и кто разбомбил наш взвод. Он сумел укрыться в хижине. С налитыми кровью глазами, я одним пинком в дверь ворвался внутрь... В тесной и сырой конуре стонал тот беглец. Он был ранен. А в углу комнаты, прижав к груди ребёнка, застыла молодая женщина. Она начала что-то выкрикивать.

Вдруг она замолкла. Метнула на меня свой ненавистный взгляд. Глядя то на меня, то на раненого, лежащего на полу человека, она сунула в рот ребёнку левую грудь. Затем торопливо дала ребёнку другую. Я ничего не слышал, будто оглох. Сознание тоже было не ясное... Положив ребёнка на пол, женщина упала на колени рядом с раненым. Вытянув руки в небо, она стала что-то нащёптывать. Затем погладив его окровавленное лицо, прижала его к себе. Только тут я понял, что она приходится ему женой. Дверь со скрипом распахнулась. Вбежали двое разведчиков и Ирина вместе с ними. Вскочив с места, я крикнул им «не стрелять». Я телом прикрыл того раненого. Ирина и разведчики опустили ружья. Ирина попыталась поднять меня с места. Ступив на левую ногу, я рухнул в левый бок. От страшной боли я застонал. Под левым коленом у меня струилась кровь, которая залила собой весь ботинок изнутри. До этого момента я не чувствовал боль. Один из разведчиков вынес меня на руках. По дороге Ирина сделала мне два укола обезболивающего в колено... Боль постепенно ослабла, перед глазами у меня потемнело.

Я открыл глаза только после того, как мы выбрались из деревни. Открытая местность... Я на носилках. Надо мной стояла Ирина. Она что-то говорила, плакала, улыбалась... Я жестом дал понять ей, что хочу воды. Она принесла воды. Студёной... Всё внутри у меня горело. Я пил захлёбываясь.

Это бы мой последний бой за два года. Всё это время Ирина была рядом со мной. Меня увезли в госпиталь. Тем временем, у Ирины, оказывается, закончился срок службы, и она вернулась в Москву... Вот такие дела... Зимой дни короче. Снег перестал идти. Начался ночной мороз. Под ногами хрустел замёрзший сухой снег. Уже стемнело, когда я вошёл в роскошную гостиницу. Открыв чёрную дверь, я вошёл внутрь. Огромный светлый зал сверкал под светом больших люстр, свисавших с потолка. Мраморный пол зала тоже в ответ переливался. Пахло нежным благоухающим ароматом.

Увидев меня, швейцар встал с места. Поприветствовал, поклонившись. Приветливо улыбаясь, он сказал:

– Вы пришли, ока?

– Да, я хотел встретиться с Ириной Михайловной.

– Госпожа уехала, она...

– Что-о-о! Что вы говорите! – вскрикнул я.

Казалось, словно, ледяной водой облили меня. Я стал нервничать.

– Почему уехала? Может быть, вы ошибаетесь? Ведь мы сейчас должны были встретиться... Я говорю про ту женщину. Помните, мы вместе пришли! Ирина Михайловна!

Я не успел договорить.

– Госпожа улетела сегодня в три часа. Она говорила, что вы придёте. Вот это она оставила Вам.

С этими словами швейцар вынул из шкафчика конверт и передал его мне. У меня перед глазами потемнело. Я задрожал. Всё тело моё покрылось холодным потом.

– Не понял... Не понял... – говорил я, неосознанно. Я направился к кожаному дивану в углу зала. Казалось, мои ноги не подчинялись мне. Я рухнул на диван. Дрожащими руками раскрыл конверт. Из него выпала фотография. На ней была симпатичная женщина лет сорока, а рядом с ней стоял подросток, очень похожий на неё. Наверное, сын. Они оба улыбались. На обратной стороне фотографии какая-то надпись на арабском языке. В конверте было ещё письмо от Ирины, написанное ее красивым почерком.

«Привет, милый Тахир! Сегодня в моей жизни был самый лучший день. Через столько лет я вновь увиделась с тобой. Очень рада. Ты жив-здоров. Ты сумел сохранить в себе те прекрасные человеческие чувства. Знаешь, ты очень хороший человек. Сегодня мой день рождения и я его наконец-то провела с тобой. В последнее время я жила только ожиданием этой встречи. Я умоляла мужа отпустить меня в Ташкент повидаться с тобой. Ибо для меня это был самый лучший подарок. Он разрешил. Он хороший человек. Понимает меня. Я рассказала ему о тебе.

Тахир, береги себя! Через полчаса я улетаю. Так будет лучше.

Тахир, хорошенько всмотришься в эту фотографию. Скорее всего, ты их не узнал. Эту женщину зовут Шафика, а рядом с ней её сын – Ахмад. Они живут в Лондоне. Ты остался в их памяти, как и в моей тоже, как очень хороший человек (другого слова не смогла подобрать). Так и есть. Они всю жизнь будут помнить тебя и никогда не смогут забыть.

Шафика – это та самая афганская женщина, которую ты не расстрелял в хижине. (Ты не убил и её раненого мужа), а ребёнка которого она кормила грудью, ты сейчас видишь на фотографии. Они нашли меня. Помнишь, тогда снаряд упал в хижину и взорвался. Тогда все вещи остались там. По словам женщины, она решила всё-таки найти нас.

В прошлом году я получила от неё письмо. Веришь, я чуть с ума не сошла. А вот это фото она просила передать тебе. На обратной стороне его написано: «Благодарим великодушного и доброго человека, который пощадил нас в самый тяжелый момент в нашей жизни. Мы перед вами в долгу...».

Тахир, позвони Шафике. Вот номер её телефона (...).

Мы с мужем будем рады видеть тебя в Москве. Приезжай, когда захочешь...

Прости меня. Никому не понять, как мне трудно сейчас. Вместе с тем, повидав тебя, я освободилась от тяжёлого груза прошлого. Тахир, ты хороший человек. Уверена, станешь хорошим писателем. Помнишь, ты обещал...

По-моему, в независимости от того, в каком уголке земли люди находятся, они должны жить в мире и согласии. Война делает людей жестокими и беспощадными по отношению друг к другу. Я

думаю, что если люди перестанут убивать и будут заботиться друг о друге..., то в этой жизни можно жить по-человечески...
Извини... Не обижайся на меня... Будем ждать тебя в Москве...
Будь здоров!

Ирина. 16.02.03 г.»

На улице было холодно. Прожекторы, ровно выстроившись по обочинам дороги, ярко освещали её. В воздухе таинственно кружились снежные искорки. Потрясённый, я шёл по снежному тротуару. Я и сам не знал, куда направляюсь.

Кучкар НАРКАБИЛ.

Перевод с узбекского Леры Пиржановой. Некаўалар